

*«Английский
Петрарка»*

**SIR PHILIP
SIDNEY**

1554–1586

**Филип
Сидни**

Sir Philip Sidney, 1576. Penshurst Place.

Astrophel and Stella

II

Not at first sight, nor with a dribbèd shot,
Love gave the wound, which, while I
breathe will bleed;
But known worth did in mine of time
proceed,
Till by degrees it had full conquest got.
I saw, and liked; I liked, but lovèd not;
I loved, but straight did not what Love
decreed:
At length to Love's decrees I forced agreed,
Yet with repining at so partial lot.
Now even that footstep of lost liberty
Is gone; and now, like slave-born Muscovite,
I call it praise to suffer tyranny;
And now employ the remnant of my wit
To make myself believe that all is well,
While with a feeling skill I paint my hell.

Не выстрелом коротким наповал
Амур победы надо мной добился:
Как хитрый враг, под стены
он подрылся
И тихо город усыпленный взял.
Я видел, но еще не понимал,
Уже любил, но скрыть любовь
стремился,
Поддался, но еще не покорился,
И, покорившись, все еще роптал.
Теперь утратил я и эту волю,
Но, как рожденный в рабстве
московит,
Тиранство славлю и терпенье холю,
Целуя руку, коей был побит;
И ей цветы фантазии несую я,
Как некий рай, свой ад живописую.

Перевод Г. Кружков

Astrophel and Stella

XCIV

Griefe, find the words; for thou hast made my braine
So darke with misty vapuors, which arise
From out thy heauy mould, that inbent eyes
Can scarce discerne the shape of mine owne paine.

Do thou, then (for thou canst) do thou complaine
For my poore soule, which now that sicknesse tries,
Which euen to sence, sence of it selfe denies,
Though harbengers of death lodge there his traine.

Or if thy loue of plaint yet mine forbeares,
As of a Caitife worthy so to die;
Yet waile thy selfe, and waile with causefull teares,
That though in wretchednesse thy life doth lie,

Yet growest more wretched then by nature beares
By being plac'd in such a wretch as I.

О горе, все слова — в твоей лишь воле,
Ведь это твой мрачит мне разум яд,
Да так, что внутрь устремленный взгляд
Не может различить пределы боли.
Так погорюй (ты можешь!), и поболе
О той душе, в которой ныне ад,
Где мысли все о гибели твердят
И кличут смерть, незванную дотоле.
Но если не одаришь словесами
Раба, что недостоин бытия,—
Оплачь себя горячими слезами:
Хоть и течет в несчастье жизнь твоя,

Погибнешь ты (сравнимся ли скорбями!)
Живя в таком несчастьи, как я.

Edmund Spenser

Эдмунд Спенсер (1552-1599)

Edmund Spenser.
James Thomson, early 19th century.
Private collection.

Amoretti

SONNET. XIX

THE merry Cuckow, messenger of Spring,
His trompet shrill hath thrise already
sounded:
that warnes al louers wayt vpon their king,
who now is comming forth with girland
crouned.

With noyse whereof the quyre of Byrds
resounded
their anthemes sweet devized of loues
prayse,
that all the woods theyr ecchoes back
rebounded,
as if they knew the meaning of their layes.

But mongst them all, which did Loues honor
rayse
no word was heard of her that most it
ought,
but she his precept proudly disobayes,
and doth his ydle message set at nought.

Therefore O loue, vnlesse she turne to thee
ere Cuckow end, let her a rebell be.

Лесной кукушки радостный рожок
Трикраты возвестил весны явленье,
Напомнив, что вернулся юный бог
И требует от юности служенья.

В ответ кукушке зазвучало пенье
Всей птичьей пробудившейся семьи,
И лес ей эхом вторил в отдаленье,
Как бы поняв, что значит жар в крови.

Лишь та, что паче всех должна любви
Воздать хвалу, осталась безучастна,
Замкнула губы гордые свои —
Певцы весны зывали к ней
напрасно.

Любовь, пока ей чужд их нежный зов,
Причти ее к числу своих врагов.

Amoretti

SONNET. LIIII

Of this world's theatre in which we stay,
My love, like the spectator, idly sits;
Beholding me, that all the pageants play,
Disguising diversely my troubled wits.
Sometimes I joy when glad occasion fits,
And mask in mirth like to a comedy:
Soon after, when my joy to sorrow flits,
I wail, and make my woes a tragedy.
Yet she, beholding me with constant eye,
Delights not in my mirth, nor rues my smart:
But, when I laugh, she mocks; and, when I
cry,
She laughs, and hardens evermore her
heart.
What then can move her? if nor mirth nor
moan,
She is no woman, but a senseless stone.

Любимая в театре мировом
На все бесстрастно устремляет
взгляд.
Участвую в спектакле я любом,
Меня облики на разный лад.
Найдя на свете повод для отрад,
Я мишуру комедии беру,
Когда же горести отяготят,
Я делаю трагедией игру.
Но, радостный ли, в страстном ли
жару
Явлюсь на сцене я —
ей все равно:
Я засмеюсь —
от строгих глаз замру,
Заплачу —
ей становится смешно.
Она, стеной пред нею иль смехи,
Не женщина, а камень без души.